

— В Москву мы приехали утром в воскресенье, **25 декабря**. Выборы в ООФА были назначены на 26-е, а на 28-е у меня имелся билет на поезд до Калининграда, заранее приобретённый ещё в прошлый мой приезд в Москву (на самолёт уже тогда билетов не было - обычная ситуация перед Новым годом).

— Поселились в Академической гостинице на Октябрьской площади, я со Славой в одном номере, Витя рядом с нами один двухместный номер занимал, Пивоваров поселился у знакомых. Слава сразу ускакал общаться с московскими демократами, а я остался в номере готовиться к завтрашнему выступлению перед академиками. Для них ведь речь надо как-то иначе строить, что им эти дразги мурманско-апатитские, о науке нужно говорить.

1 февраля 1989 г., кирха

Правда, я слышал от Волошинова, который бывал уже на выборах в ООФА, что там эти выборы проходят крайне несерьёзно, никого академики не слушают, всё им до лампочки, а Прохоров - председатель ООФА (лазерщик, лауреат Нобелевской премии) подгоняет кандидатов: - Кто будет говорить больше пяти минут, в директора не пройдёт!

И тем не менее - шанс дан, надо его использовать хотя бы для рекламы - и собственной персоны, как специалиста по моделированию, и нашей модели, как лучшей в мире.

Закончив сочинять речь, я готовился ко сну. Славы всё ещё не было, загулял. Я пошёл умываться и ... вы будете смеяться - снимая над умывальником очки, сломал дужку оправы! У новых очков!

Чёрт, что за мистика такая! Сто лет очки не ломались, а тут раз за разом и каждый раз перед выступлением на выборах. И сломалась-то не пластмасса теперь, а металлический кронштейн петли, вплавленный в пластмассу. И не падали же очки, просто снимал их и - хрясь, готово. Поносил неделю за червонец. Во качество!

Но что же делать-то теперь? Стёкла целы, неужели дужку нельзя прикрепить?

До прихода Славы я пытался вплавить в пластмассу обломок кронштейна, но безуспешно. Слава появился полпервого ночи. Он был в каком-то клубе-кооперативе "Перспектива" при обществе "Перестройка-88", которое собирает информацию о всех неформальных демократических движениях в стране и предоставляет неформалам возможность этой информацией обмениваться.

- Там шкафы папками забиты. На каждую организацию папочка заведена. И на наш ДОСП есть, с нашими бюллетенями, - похвастался Слава.

- Ну, а тебе чего-нибудь дали?

- А как же - вот: "Хронограф", "Экспресс-хроника". Обстановочка там богемная, юмористы.

- А на мою долю взял?

- Ты же не просил. Сам съезди и возьми, это для ДОСПа.

- А у меня вот, видишь, несчастье - опять очки поломал.

- Ну, ты даёшь! Давай, посмотрим, можно же починить.

- Ничего не получается. Я уже больше часа бьюсь. Неудачно очень обломалось.

- А давай из скрепки петлю сделаем и вплавим в пластмассу. С этим кронштейном, действительно, уже ничего не поделаешь.

- А из скрепки тем более. Безнадёжное дело. Давай спать ложиться лучше.

- Давай, попробуем. Как же ты без очков-то будешь?

- Ну, давай.

Провозились с ним до двух часов ночи, но сделали! Вернее, делал Слава, а я спички жёг для разогрева проволоки. Держится дужка нормально.

Ай, да Слава!

— Ну, Слава, я знал, что ты гениальный теоретик, а ты, оказывается, ещё и руками не разучился работать! Спасибо тебе большое, выручил.

— Не за что.

— Заседание ООФА проходило в конференц-зале Института физических проблем, что на углу Ленинского проспекта и бывшего Воробьёвского шоссе, ныне проспекта Косыгина. Здесь когда-то проходил практику и жил вместе с другими физтеховцами Валерка Долгополов, у которого я тут и останавливался как-то, лет двадцать с лишним назад, чтобы утром встретить Сашулю с Иринкой из Тейкова, да проспал после пьянки, но всё же успел на вокзал.

— Конференц-зал небольшой, тесно заставлен стульями. Академики, действительно, имеются. Вон их сколько знаменитых: Басов, Прохоров, Александров (бывший Президент АН), Сагдеев, Капица-младший, всем известный по телепередаче "Очевидное-невероятное", но он не академик, всего лишь член-корр, как и Мигулин, который тоже здесь, разумеется.

— Сегодня же выборы и директора моего родного ИЗМИРАНа. Вон они тут - целая делегация: Мигулин, Лобачевский, Иванов-Холодный, Жданов (трое замов Мигулина), Коломийцев (Учёный секретарь), Ораевский, Канониди и Ким (от общественности).

— В те же дни, когда гремели баталии в ПГИ, проходили выборы, точнее "согласование кандидатур" и в ИЗМИРАНе, без таких страстей, как в ПГИ, но и не без внутренней интриги, разумеется.

— Кандидатов было четверо: Жданов, Ораевский, Лобачевский и Внучков. Последний всерьёз не воспринимался. Приборист, он не имел даже кандидатской степени, но, дитя перестройки, ратовал за принципиально новый подход к директорству: правит выборный Учёный Совет, а директор - чистый администратор, проводит в жизнь его волю.

— В неперестроившихся измирановских массах эти новые подходы энтузиазма не вызвали, и Внучков получил что-то около десятка голосов выборщиков (в ИЗМИРАНе голосовали не все, а выборщики - один от четырёх, кажется). Тем не менее Внучков свою кандидатуру не снял и на выборы в ООФА явился.

— Основными кандидатами считались Жданов и Ораевский. Лобачевский не годился по возрасту (62 года), но более того его популярности (и так не шибко высокой) повредила запущенность (и запутанность) финансовых дел в ИЗМИРАНе, которые он курировал. Да и борьбы никакой предвыборной он не вёл, включившись в это дело, по его собственному признанию, "чтобы спутать карты кое-кому".

— Что касается Жданова и Ораевского, то вокруг них негромко бурлили, извиваясь и переплетаясь, какие-то не очень видные внешнему миру течения, нашу обсерваторию никак не затрагивавшие, а посему и не волновавшие. Ораевский приезжал к нам, выступал, но особого впечатления не произвёл. Жданов и вовсе не появлялся.

— Я призвал наших выборщиков голосовать за Лобачевского, но, говорят, что он так неубедительно выглядел на выборах, что и наши от него отвернулись, отдав голоса Ораевскому, - всё-таки он ближе по тематике (плазменщик), чем Жданов (постоянное геомагнитное поле).

— В результате Лобачевский получил всего 27 голосов, Жданов - 110, Ораевский - 127. Мигулин на выборах в ИЗМИРАНе так и не высказался ни в чью пользу.

— Я пытался подойти к Мигулину поздороваться, но не вышло. Складывалось впечатление, что он избегает даже взгляда моего. Значит, поддерживать не собирается. Ну, и хрен с ним. Впрочем, может, ему не до меня и не до ПГИ сейчас? Родной ИЗМИРАН дороже и нужно решать, кто же будет его, Мигулина, преемником - Жданов или Ораевский?

— Год назад всё знающая Анна Тимофеевна Яньшина, бывшая заведующая отделом кадров, а ныне сменная дежурная измирановской гостиницы, уверенно заявляла: - Жданов будет, вот увидите. Мигулин так решил.

___ Ораевский тогда, правда, ещё не фигурировал.
___ Ну, да ладно. Посмотрим. Ждать недолго осталось.
___ От ПГИ делегация тоже большая - помимо кандидатов и экс-кандидатов ещё и группа поддержки Терещенко: Распопов притащился, ковыляя, Волошинов (парторг), Калитёнков (профорг), всё мурманчане. Горохова только что-то не видать.
___ Ко мне подошёл Коломийцев:
___ - Ну, как в ПГИ дела? Какие шансы у кого?
___ - Пивоварова, думаю, изберут. Если Мигулин или кто-нибудь ещё не воспротивится. Но вряд ли - преимущество большое у Пивоварова.
___ Коломийцев усмехнулся, как-то снисходительно посмотрел на меня - дурачок, мол, наивный - и сказал:
___ - Недооцениваешь. И зря ты влез в это дело.
___ - Трус в карты не играет.
___ - Несерьёзно.
___ - Шучу.

___ Повестка дня сессии ООФА сумасшедшая:
___ 1) Выборы иностранных членов ООФА.
___ 2) Выборы директоров шести (!!!) институтов.
___ 3) Выдвижение кандидатов в делегаты Съезда Советов.
___ Обалдеть можно. Прав Волошинов: тут особых слушаний ожидать не приходится. Всех ежели слушать - очумеешь.
___ На сцену вылез Прохоров, напомнивший мне старика Карамазова в исполнении Марка Прудкина, и пошло-поехало, спектакль начался.
___ Темп был задан с самого начала - будь здоров. Прохоров председательствовал в таком стиле. Накарякал на доске фамилии кандидатов в иностранные члены. Кто-то попросил указать возраст кандидатов.
___ - Возраст? Ну, ладно, сейчас найдём возраст. А пока тут ищут возраст, давайте голосовать - оставлять ли всех в списке? Кто за? - и не дожидаясь, пока поднимут руки, не глядя даже в зал: - Единогласно. Поехали дальше.
___ За полчаса покончили с первым вопросом. Практически без обсуждений. Тайно проголосовали по каждому кандидату, а подсчёт голосов перенесли на конец заседания, когда проголосуют и по директорам.

2 февраля 1989 г., кирха

Перешли ко второму вопросу: выборы директоров.

Здесь поначалу дело также пошло очень быстро. Первый институт (забыл какой) - один кандидат, Осипян. Вышел на сцену, сказал несколько слов в том смысле, что, мол, как жили хорошо до сих пор, так и дальше будем жить. Благополучный институт какой-то.

- Вопросов нет?

- Нет.

- Дальше поехали.

ФИАН (Физический Институт имени Лебедева) - крупнейший институт. Два кандидата - Келдыш (младший) и Басов (бывший директор). В институте Келдыш набрал больше голосов, Басов - меньше, и Басов снял свою кандидатуру. Келдыш выступил в том же духе, что и Осипян, вопросов нет, следующий.

На следующем институте - Спекроскопии - дело замедлилось. Там было два кандидата: нынешний замдиректора Летохов, нестарый ещё, и Виноградов - ещё моложе. Летохов набрал больше половины голосов, Виноградов - меньше, но разница небольшая (55 и 45%, к примеру, точно не помню). Выступали оба, вопросов им почти не задавали. Виноградов, похоже, представлял какую-то внутреннюю оппозицию предшествовавшему

руководству, к которому принадлежал Летохов.

— В отношении этих двух кандидатов сонное безразличие аудитории нарушилось: несколько академиков сочли необходимым выступить в поддержку Летохова, которому, казалось, она и не требовалась - и так он получил большинство в институте. В поддержку Виноградова тоже нашёлся желающий выступить, но только один. По тону выступавших чувствовалось, что тут не всё так гладко, как кажется.

— Ещё один институт - забыл какой - прошёл быстренько. Наступила очередь ИЗМИРАНа. Тут поднял руку Лобачевский и объявил, что он снимает свою кандидатуру и призывает голосовать за Ораевского. Затем встаёт кто-то и говорит, что имеется письмо от отсутствующего здесь академика Велихова (он заседал в этот день на другом отделении) и зачитывает его.

— В письме вовсю расхваливается Жданов - молодой, умный, энергичный, и, разумеется, предлагается избрать его. Ясно - это уже закулисная борьба. Откуда Велихову хорошо знать Жданова? По науке они никак не пересекаются. А вот, что он Мигулина не терпит, - всем известно. Означает ли это, что Мигулин за Ораевского? Посмотрим.

— Затем вылезает директор ИФВД (Института Физики Высоких Давлений - ближайшего соседа ИЗМИРАНа в Троицке) и тоже призывает голосовать за Жданова: они, мол, со Ждановым уже нашли общий язык при решении проблем Академгородка в Троицке, и он бы и дальше с удовольствием сотрудничал именно со Ждановым.

— Тут, наконец-то, возник Ораевский: почему обсуждение кандидатов началось до того, как они выступили? Неплохо бы их вначале выслушать.

— Прохоров спохватился:

— Да, в самом деле, товарищи. Мы забыли выслушать кандидатов. Давайте по алфавитному порядку.

— Первым пошёл излагать свою концепцию невзрачный, но мужественный Внучков. Большинство слушало его с усмешечкой, но не перебивали, дали человеку высказаться.

— Выступил Жданов, очень гладенько. За ним Ораевский. В ходе своего выступления пытался на доске изобразить структуру организации вычислительного обеспечения, его прервали - не надо, мол, знаем. Вопросов не задавали обоим.

— Тогда Прохоров попросил высказаться Мигулина - кому он предпочёл бы передать власть?

— Вот он - момент, сейчас узнаем, за кого же Мигулин-то сам.

— И Мигулин раскрыл, наконец, свою тайну.

— Он - за Ораевского. Жданов, конечно, тоже хороший человек, но Ораевский - космик, по тематике он ближе к главному направлению института. А Жданов пусть остаётся у него замом и продолжает курировать своё постоянное магнитное поле.

— Вот так. Теперь понятно, почему Велихов за Жданова был: потому что Мигулин за Ораевского. Но ведь этого вроде бы никто не знал, в том числе и Велихов. Может, наоборот, Мигулин за Ораевского потому, что Велихов за Жданова? Кто их разберёт. Ладно. Бог с ними.

— Наша очередь подошла. Один ПГИ остался со своими восемью кандидатами.

Аудитория ещё не знает, что их стало меньше. Прохоров объявляет:

— Товарищи, тут у нас есть заявления о снятии кандидатур Горохова, Мингалёва, Лазутина. А, вот ещё подают: Кравцов тоже снял. И Ляцкий. Смотрите, как у нас дело движется быстро. Три кандидата только осталось. Сейчас выпишу на доске, как за них голосовали в институте.

— И пишет:

Намгаладзе - 166 - за, 215 - против;

Пивоваров - 253 - за, 128 - против;

Терещенко - 123 - за, 258 - против.

В зале отчётливо раздаются голоса:

— Ну, тут ясно - Симферополь проходит.

— На руках у голосующих списки кандидатов, из которых им известно, что Пивоваров из Симферополя.

— А я гляжу на эти цифры и недоумеваю: что это такое? Почему у меня "против" больше, чем "за"? Догадываюсь - это не проценты, а абсолютные цифры поданных голосов, причём голоса воздержавшихся суммированы с голосами "против". Чья это выдумка? Неужели мурманчане решили таким образом "сгладить" разницу между мной и Терещенко? А кто же ещё?

— И сумели. А в Апатитах-то старались: диаграммы построили в процентах отдельно по Мурманску, отдельно по Апатитам, отдельно по институту в целом. Эти диаграммы наглядно изобразили на большом плакате и отэрили на отдельных листках, чтобы раздать академикам. Но!

— Ни повесить плакат, ни раздать листки не разрешили - не надо, мол, оказывать давление на академиков!

— А то, что сейчас на доске выписано - это не давление?

— Тем временем меня уже вызвали на сцену, первым из кандидатов.

— Я отобилизовался, насколько смог, и отгарабанил свою речь, сжав её до минимума.

— В ПГИ, мол, все беды от отсутствия понимания общей сверхзадачи, отсюда и раскол Мурманск-Апатиты. Дорогостоящие виды наблюдений, разрабатываемые в разных, невзаимодействующих между собой лабораториях, находятся в состоянии долгостроя и не обеспечены идеологически.

— На Западе такого рода наблюдения сочетаются с математическим моделированием, которое служит средством интерпретации наблюдений, объединяющим и координирующим различные виды наблюдений и различные группы исследователей. Но для этого нужно иметь мощную численную модель среды.

— Такая модель - лучшая в мире - создана в Калининграде и её внедрение в ПГИ позволило бы институту совершить качественный скачок в исследованиях полярной околоземной среды. Она могла бы обеспечить идеологическую поддержку тому диагностическому комплексу, под знаменем которого выступал один из экс-кандидатов - Кравцов, обосновать оптимальный состав датчиков этого комплекса. Наконец, я готов поддержать реализацию оригинальных идей, выдвинутых ещё одним экс-кандидатом - Ляцким.

— Что касается организационных проблем, связанных с необходимостью перевода ПГИ на самофинансирование, с вводом в эксплуатацию нового лабораторного корпуса в Мурманске, то мне представляется, что у меня сложилось взаимопонимание с большинством коллектива ПГИ, каким образом решать эти проблемы.

— Как же так? - спросите вы, - если за вас проголосовало меньшинство: цифры на доске не говорят об этом взаимопонимании. Тут я должен заявить протест. Я не знаю таких цифр. Я знаю, что за меня проголосовало 44%, а против - 36%. Тут у вас, видимо, сложены вместе голоса воздержавшихся и против, а это искажает картину и наносит мне моральный ущерб. Я протестую.

— Почему это "у вас"? - обиделся вдруг Прохоров. - Это у вас, а не у нас.

— Там вообще непонятно, как они голосовали, - вдруг вставил реплику Мигулин.

— Впрочем, вот тут подают какие-то цифры, - сообщил Прохоров, - сейчас я напишу. Пожалуйста. Успокойтесь.

— И написал:

Намгаладзе - 166 - за, 137 - против, 78 - воздержались;
Пивоваров - 253 - за, 78 - против, 37 - воздержались;
Терещенко - 123 - за, 213 - против, 45 воздержались.

- Ну, вот, видите, другая же всё-таки картина.
— Другая, другая, - согласился Прохоров.
— Почему-то, когда я начал говорить, у меня пересохло во рту, чего со мной не бывало раньше никогда, и я с огромным усилием ворочал языком, стараясь говорить громко и отчётливо. И пока Прохоров исправлял цифры на доске, я налил себе воды в стакан из графина на председательском столе и с огромным наслаждением его выпил.
— К моему удивлению мне стали задавать вопросы.
— Скажите, но ведь чтобы разрабатывать модель, не нужно иметь институт на Кольском полуострове, этим можно и в Москве заниматься.
— Разумеется. Но речь не идёт о создании новой модели - модель есть, а о внедрении её в комплекс геофизических наблюдений для их обработки и интерпретации, а комплекс такой разумно создавать именно на Кольском полуострове, где уже ведутся и планируются новые наблюдения высокоширотных явлений.
— Но ведь любая модель неточна, приближённа, как же завязывать наблюдения на некоторую имеющуюся несовершенную модель?
— А наблюдения для того и должны вестись, чтобы совершенствовать и корректировать модель.
— Модель это допускает?
— Да, конечно.
— Вы сами специалист по моделированию?
— Я считаю себя геофизиком широкого профиля, но конкретно занимаюсь именно математическим моделированием околоземной среды.
— Всё. Вопросов больше нет. Вы свободны, Александр Андреевич. Садитесь. Вы сделали всё, что могли. Дальнейшее от Вас уже не зависит.

— 3 февраля 1989 г., кирха

— Выступление Пивоварова я слушал как-то невнимательно, перевозбудился, наверное, и не отошёл ещё от собственного выступления. А вот речь Терещенко привлекла к себе моё внимание.

— Он начал с объяснения того, почему он не снял свою кандидатуру и считает себя вправе продолжать борьбу. Потому что в Мурманске он получил большинство голосов. А в Мурманске и вокруг него сосредоточена основная экспериментальная база института. Поэтому-то в Мурманске и построен новый корпус, а ООФА в своё время приняло решение сконцентрировать институт в Мурманске. Он, Терещенко, эту линию разделяет и будет проводить её в жизнь. Собственно, это и было самым главным в его выступлении, а остальное - так, шелуха, довески.

— Вопросов ни ему, ни Пивоварову не задавали.

— И тут просит слова Мигулин.

— Товарищи! ПГИ - сильный институт, в нём работает много высококвалифицированных сотрудников и он не нуждается в приглашении варягов. Евгений Дмитриевич Терещенко является одним из таких высококвалифицированных сотрудников, выросшим в стенах института. Он экспериментатор, радиофизик, а ПГИ прежде всего должен заниматься экспериментами, накоплением наблюдательного материала (- Как раньше копили, так и дальше будем копить! - вставил я мысленно реплику). И тут я категорически не согласен с одним из предыдущих ораторов - моделирование не может быть основным направлением ПГИ! Поэтому я призываю голосовать за Евгения Дмитриевича Терещенко!

— Ай, да Мигулин!

— Ай, да Терещенко! Молодцы.

— Но они ещё и дополнительно подстраховались.

— Попросил слова какой-то старичок и прокричал:

— Зачем ПГИ варяги? Посмотрите, какой у них хороший молодой собственный

кандидат!

— Вылез на сцену дряхлый Щукин, председатель Радиосовета, и мямлил что-то, из чего можно было разобрать только основное - в ПГИ нужно развивать радиофизику, для чего следует избрать Терещенко.

— Однако нашлись защитники и у Пивоварова. Ими оказались знавшие его сибиряки - Крымский, директор якутского ИКФИА, и Захаров, известный матфизик из Новосибирска. Крымский, например, сообщил, что Пивоваров - альпинист и с честью выходил из экстремальных ситуаций, значит, он и ПГИ выведет куда надо.

— Неуёмный, крикливый Волошинов вылез и здесь. Расхваливая Терещенко, он намекнул, что тот не получил большинства голосов только из-за козней апатитян, их махинаций с выборами.

— Тут встал старый лысый Александров, бывший президент АН, и заорал на Волошинова:

— Какой Вы к чёрту парторг института, если выступаете против воли коллектива? А если у вас выборы с махинациями проведены, так езжайте обратно и проводите их по новой!

— Прохоров пытался прекратить прения, но тут Слава Ляцкий настойчиво полез вперёд с поднятой рукой.

— Вы за кого - за Терещенко или за Пивоварова? Если за Намгаладзе, то тогда не надо, - брякнул он Славе (с Намгаладзе всё ясно - не претендент, отметил я про себя).

— Слава вылез к доске с бумажкой и сообщил аудитории:

— Товарищи, для вас будет небезинтересной следующая информация. Перед выборами в институте проводился опрос общественного мнения о кандидатах. Так вот среди научно-технического персонала в Мурманске результаты были такие:

Пивоваров - 65% - за, 19% - против;

Намгаладзе - 61% - за, 23% - против;

Терещенко - 38% - за, 48% - против.

Как видите, в Мурманске Терещенко получил большинство голосов за счёт вспомогательного персонала, который был специально обработан. Мне кажется, что избрание Терещенко было бы поражением демократии в Академии Наук.

И на этом Прохоров прекратил прения.

Приступили к тайному голосованию. Потом выдвигали кандидатов в делегаты на Съезд Советов и выдвинули от ООФА одного - Осипяна. Слава и тут пытался встрять, хотел выдвинуть Сагдеева, но Сагдеев встал и сказал, что нужно учесть, что многие академики будут выдвигаться в других местах, и он сам, в частности, а дублировать выдвижения одних и тех же, мол, не следует.

Осипян выступал, чего-то нудно говорил, но не о программе своей, а так, вообще, больше о процедуре выборов. Тем временем счётная комиссия подсчитала все голоса и по иностранным членам, и по директорам.

Результаты: самый неожиданный - по Институту Спектроскопии. Избрали не Летохова, имевшего большинство в институте и залповую поддержку здесь, а Виноградова. Подводные течения оказались сильнее.

Во всех остальных случаях избрали тех, кто получил большинство "в народе". В ИЗМИРАНе - Ораевского, причём с подавляющим перевесом. Жданов получил только 10 голосов из 75. Даже Внучков, и тот получил 7.

В ПГИ - Пивоваров - 50, Терещенко - 20, Намгаладзе - 5. Увы! Меньше, чем Внучков. Ну, и ладно. И на том спасибо. Когда Прохоров объявил, что "Намгаладзе не надо", я решил, что, возможно, не получу вообще ни одного голоса. В конце концов, у Летохова, Жданова, да и Терещенко больше оснований для разочарования.

В фойе я столкнулся с Мигулиным. Он пожал мне руку и сообщил:

___ - Я думаю, всё было благопристойно.

___ Мне ничего не оставалось, как ответить:

___ - Я тоже так думаю.

___ Коломийцеву я сказал:

___ - Ну, что? Мастера закулисных интриг проиграли?

___ - Ты кого имеешь в виду - Внучкова? - сделал он вид, что не понял меня.

___ Мы со Славой хотели подойти к Сагдееву, чтобы разузнать про "Московскую трибуну" - клуб демократической интеллектуальной элиты (Айтматов, Афанасьев, Сагдеев, Сахаров и т.д.), выступавший уже с критикой властей. В частности, в эстонской молодёжной газете "Мастерская" они резко и аргументированно критиковали Указы о митингах и о правах внутренних войск. Но Сагдеева мы прозевали - он исчез.

___ Счастливый Пивоваров в гардеробе спросил меня:

___ - Ну, как? Пойдёшь ко мне в замы?

___ Я ответил ему:

___ - Не спеши. Подумай. Осмотрись на месте. Посоветуйся с народом, а потом уж предлагай мне. Мне тоже надо подумать.

___ - Ну, ладно, договорились.

___ - А с тебя бутылка причитается.

___ - Хорошо. Вечером.

___ Вечером Пивоваров, действительно, пришёл с женой к нам в гостиницу и принёс бутылку коньяка (сам трезвенник абсолютный, пил только чай), я добавил бутылку сухого, собрались в номере у Вити Мингалёва. Пивоваров пригласил ещё двух сибирских директоров, живших тут же в гостинице, - Крымского и Жеребцова, директора СИБИЗМИР, и своего старого приятеля из ИКФИА, рядового учёного Юру Ромашенко, толстого коротышку, склонного к поддаче.

___ Слава сразу начал упрекать Жеребцова в том, что он не выступил в поддержку Пивоварова, хотя Пивоваров и апатитяне его об этом просили. Жеребцов с многозначительным видом заявил, что "так надо было".

___ Потом на него я набросился по поводу Красноярской РЛС. Жеребцов, оказывается, был сторонником её переоборудования под научные цели и страдал, что это дело не отдадут ему, то есть СИБИЗМИРУ на откуп, а собираются создавать центр в Москве!

___ Я же вообще считал это дело дорогостоящей авантюрой и спрашивал его - какому специалисту по физике ионосферы нужна эта хреновина, пусть назовёт. Он сказал, что ему, и, по-моему, обиделся на меня, справедливо заподозрив, что я его таковым специалистом не считаю (хотя и оказался ответственным редактором только что вышедшей монографии Жеребцова, Мизуна и Мингалёва "Физические процессы в полярной ионосфере").

___ А потом вечер перешёл в вечер воспоминаний Пивоварова и Ромашенко о совместных походах, большую часть которых трое из присутствовавших (Слава, Витя и я) уже слушали совсем недавно в купе поезда Апатиты-Москва. Мы со Славой терпеливо доскучали до ухода гостей, а потом у себя в номере обсуждали итоги дня.

___ Демократия одержала победу, ПГИ получил директора, которого хотело большинство. Сделало ли оно лучший выбор?

___ Время покажет.

___ Особых восторгов у нас со Славой Пивоваров не вызывал, так же как и особых претензий к нему не было. Москвичи же, НИИЯФовцы - Кропоткин, Алексеев, были разочарованы: они болели за Славу.

___ - Народ предпочитает заурядных людей, - заявил Слава. - Я для них слишком незауряден. Незаурядные опасны - кто их знает, что им завтра в голову придёт. А заурядные - ближе, роднее как-то.

___ - Будем утешаться, что нас именно поэтому не выбрали, - поддержал я Славу.

___ Обсуждали вопрос о моём возможном замещительстве у Пивоварова. Слава был "за"

и приводил в пользу этого доводы: всё-таки власть большая и зарплата тоже. И развернуться есть где, и работать есть с кем. А уж из заграницы не вылезать можно, на чём Распопов и погорел, правда, отчасти.

— Нет, Слава, я свой родной Калининград меньше, чем на директорское кресло, пожалуй, не променяю. Ты прав, и у замдиректора много преимуществ перед рядовым завлабом, и деньги в ПГИ большие, но и хлопот у зама не меньше, а то и больше, чем у директора, на науку времени не останется. И с Пивоваровым неизвестно ещё - сработаюсь ли.

— Я не отказал ему сразу, на всякий случай. Но шансов, что соглашусь, если он предложит официально, мало. У меня ведь по науке в Калининграде прекрасные заделы, подходит время пожинать плоды - гнать результаты на нашей модели. Я, конечно, и в ПГИ продолжил бы сотрудничество со своими ребятами, но дело бы притормозилось.

— Разговор перешёл на науку, я рассказывал про наши последние неудачи и достижения, уже лёжа в постели, пока сон не отключил нас обоих...

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)